

Кристина Лорен

Christina Lauren
Beautiful Player

Кристина Лорен
Прекрасный игрок

АСТ
Москва

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44
Л 78

Beautiful Player

Перевод с английского Юлии Зонис

Печатается с разрешения издательства Gallery Books,
a division of Simon & Schuster, Inc.

В оформлении обложки использованы следующие фотографии:

Portrait of a Stylish Businessman Sitting in an Armchair:

Digital Vision

Midtown Outline: Tony Shi Photography

Обе фотографии используются по лицензии от Fotobank.ru

Лорен, Кристина.

Л 78 Прекрасный игрок : [роман] / Кристина Лорен;
пер. с англ. Ю. Зонис. – Москва : АСТ, 2015. –
350, [2] с. – (Страсть. Дерзость. Любовь).

ISBN 978-5-17-086231-3

После того как старший брат отчитал Ханну Бергстрем за то, что она отдает все силы учебе, забывая о личной жизни, девушка решила последовать его советам: больше следить за собой, завести друзей и ходить на свидания. А кто справится с задачей по превращению Ханны в жгучую секс-бомбу лучше, чем Уилл Самнер, друг ее брата, а еще роскошный мужчина, венчурный капиталист и закоренелый бабник?

Уиллу не привыкать к риску, но он сомневается в успехе этой затеи, пока его такая невинная и такая соблазнительная ученица не затаскивает его в постель и не показывает, что есть незабываемые женщины. Теперь, когда Ханна осознает всю свою сексуальность, Уиллу стоит как можно скорее доказать, что он именно тот мужчина, который ей нужен.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2013 by Christina Hobbs
and Lauren Billings

© Зонис Ю., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-086231-3

ПРОЛОГ

Мы стояли посреди самой уродливой квартиры на Манхэттене. Дело не только в том, что мой мозг оказался не готов восприятию искусства: все эти картины на самом деле были ужасны. Волосатая нога, растущая из цветочного стебля. Рот, из которого потоком прут макароны. Старший брат и отец, которые пришли сюда со мной, глубокомысленно мычали и кивали, словно могли понять все увиденное. Я заставляла их двигаться вперед. Создавалось впечатление, что, по негласному протоколу, мы должны сначала все осмотреть и повосхищаться искусством и лишь затем имеем право перейти к закускам, которые официанты разносили по комнате на подносах.

Но в самом конце между массивным камином и двумя безвкусными канделябрами обнаружили изображение двойной спирали – структуры молекулы ДНК – и цитата Тима Бертона, выведенная прямо поверх полотна: «Всем нам известно, что романтическая связь между представителями разных видов – это странно».

Здорово. Рассмеявшись, я обернулась к Дженсену и папе:

– Ну ладно, вот *это* хорошо.

Дженсен вздохнул:

– Так и знал, что тебе она понравится.

Оглянувшись на картину и снова на брата, я спросила:

– Почему? Потому что здесь только эта вещь имеет хоть какой-то смысл?

Кристина Лорен

Дженсен покосился на отца, и что-то проскользнуло между ними, как будто папа даровал ему свое родительское благословение.

– Нам надо поговорить о твоём отношении к работе.

Прошло не меньше минуты, прежде чем я осознала решительность его слов, тона и взгляда, и в мозгу у меня прозвенел тревожный звоночек.

– Дженсен, – сказала я, – ты что, действительно собираешься говорить об этом здесь?

– Да, здесь.

Его зеленые глаза сузились.

– За последние два дня я впервые вижу, что ты выбралась из лаборатории и при этом не спишь и не давишься едой.

Я часто замечала, как самые характерные черты моих родителей – пронизательность, обаяние, осторожность, импульсивность и целеустремленность – не смешиваясь, четко распределились между пятью их отпрысками.

И сейчас, прямо посреди приема на Манхэттене, Пронизательность и Целеустремленность вступили в бой.

– Мы на вечеринке, Дженс. Предполагается, что мы должны обсуждать эти прелестные картины, – парировала я, неопределенно махнув рукой на стены пышно меблированной гостиной. – И скандальное поведение... ну... чье-нибудь.

Я не знала ни одной свежей сплетни, и этот маленький белый флажок, демонстрирующий мою неосведомленность, только подтвердил правоту Дженсена.

Старший братец поборол желание закатить глаза.

Папа протянул мне закуску, напоминающую садовую улитку на крекере. Когда официант удалился, я незаметно спрятала ее в платок. Тело под новым платьем немилосердно чесалось, и я сильно жалела, что не успела поспрашивать в лаборатории о белье из спандекса, которое нацепила на вечеринку. Судя по моему первому опыту, его изобрел сам Сатана или мужичонка, слишком тощий даже для зауженных джинсов.

– Ты ведь не просто умная, – твердил мне Дженсен. – Ты веселая, общительная. Ты симпатичная девушка.

– Женщина, – промямлила я.

Прекрасный ИГРОК

Он наклонился ближе, чтобы наш разговор не услышали проходящие мимо гости. Не дай бог, кто-то из представителей нью-йоркского истеблишмента пронюхает, что старший братец уговаривает меня развивать талант социальной проституции.

– Поэтому я не понимаю, почему, прогостив у тебя три дня, мы все это время общались только с *моими* друзьями.

Я улыбнулась Дженсу, чувствуя благодарность за его чрезмерную опеку, но затем во мне медленно начало разгораться раздражение. Так, прикоснувшись к раскаленному утюгу, ты сначала отдергиваешь руку, а потом просыпается длительная, пульсирующая боль от ожога.

– Я почти закончила учебу, Дженс. После этого у меня будет масса времени пожить полной жизнью.

– Но это и есть твоя жизнь, – настойчиво повторил он, широко распахнув глаза. – Прямо сейчас. В твои годы я был завязтым троечником и в лучшем случае надеялся проснуться в понедельник утром без похмелья.

Папа молча стоял рядом. Последнюю ремарку он проигнорировал, зато кивал, соглашаясь с общей мыслью, что я неудачница и у меня нет друзей. Я смерила его взглядом, означая примерно следующее: и это я слышу от ученого-трудоголика, который проводит в лаборатории больше времени, чем у себя дома? Но папа никак не отреагировал и продолжал смотреть на меня с тем же выражением, с каким обычно глядел на непокорный химический компонент: озадаченным, даже слегка возмущенным. Как же, ведь эта штука должна была раствориться, вместо того чтобы студенистой суспензией осесть на дне пробирки.

От отца мне досталась целеустремленность, но он всегда полагал, что мать поделилась со мной толикой своего обаяния. Может, потому, что я была женщиной, или из убеждения, что каждое следующее поколение должно исправлять ошибки предыдущего, – в общем, он не сомневался, что я намного лучше его сумею сбалансировать карьеру и личную жизнь. В тот день, когда папе стукнуло пятьдесят, он позвал меня к себе в офис и прямо сказал: «Люди так же важны, как наука. Учись на моих ошибках».

Кристина Лорен

А затем он расправил на столе какие-то бумаги, стал пялиться на свои руки и пялился до тех пор, пока мне не стало скучно и я не вернулась в лабораторию.

Что ж, я явно не преуспела.

– Я знаю, что давлю на тебя, – шепнул Дженсен.

– Немного, – согласилась я.

– И знаю, что вмешиваюсь в твою жизнь.

Я смерила его многозначительным взглядом и прошептала:

– Ты моя личная Афина Паллада.

– Не считая того, что я не грек и у меня есть член.

– Я пытаюсь забыть этот факт.

Дженсен вздохнул, и тут отец, похоже, осознал, что в одиночку братец не справится. Они оба приехали навещать меня, и хотя для неожиданного визита в феврале отцовско-сыновняя комбинация показалась довольно странной, до сих пор я об этом как-то не задумывалась. Папа обнял меня за плечи и прижал к себе. Руки у него были длинные и тощие, но хватка такая цепкая, что сразу становилось ясно – он намного сильнее, чем кажется с виду.

– Зиггс, ты хорошая девочка.

Я улыбнулась папиной версии тщательно подготовленного родительского напутствия.

– Спасибо.

– Ты знаешь, что мы тебя любим, – добавил Дженсен.

– Я тоже вас люблю. По большей части.

– Но... считай, что это интервенция. Ты подседа на свою работу. Подседа на быстрый путь карьерного роста или что там еще себе навоображала. Может, я всегда лезу не в свое дело и пытаюсь руководить тобой...

– Может? – перебила его я. – Ты диктовал все, начиная с того, когда родителям можно было снять тренировочные колесики с моего детского велосипеда, и до того, во сколько мне разрешалось возвращаться домой по вечерам. И, на минуточку, ты тогда уже не жил с нами, Дженс. Мне было *шестнадцать*.

Он оборвал меня взглядом.

– Клянусь, я не собираюсь указывать тебе, что делать...

Брат замолчал и принялся оглядываться по сторонам, словно надеясь увидеть статиста с табличкой, на которой написано окончание фразы. Просить Дженсена воздержаться от вмешательства в мою жизнь было все равно что

Прекрасный ИГРОК

попросить кого-то другого перестать дышать – всего на десять коротких минуток.

– Просто позвони кому-нибудь.

– Кому-нибудь? Дженсен, ты утверждаешь, что у меня нет друзей. Это не совсем правда, но кому, по-твоему, я могу позвонить, чтобы начать это так называемое «погружение в жизнь»? Другому магистранту, не меньше меня зарывшемуся в исследования? Мы занимаемся биоинженерией. Не самые подходящие условия для светских львов.

Дженсен закрыл глаза и простоял некоторое время, подняв голову к потолку, пока его, кажется, не осенило. Он снова воззрился на меня, подняв брови. В глазах его светилась надежда, смешанная с братской нежностью, бессмысленной и беспощадной.

– Как насчет Уилла?

Я вырвала непечатый бокал шампанского из папиной руки и выпила одним глотком.

Повторять дважды Дженсену не требовалось. Уилл Самнер был лучшим другом Дженсена по колледжу, бывшим стажером отца и предметом всех моих девических грез. А в то время как я считалась милой младшей сестричкой-ботаничкой, Уилл был плохим парнем, вундеркиндом с кривой ухмылкой, серьгой в ухе и парой голубых глаз, способных загипнотизировать любую девчонку.

Когда мне исполнилось двенадцать, а Уиллу – девятнадцать, они с Дженсеном приехали на Рождество к нам домой на несколько дней. Уилл любил грязные словечки, но уже тогда казался мне чертовски соблазнительным, он на пару с Дженсеном брэнчал в сарае на гитаре и все каникулы шутиливо заигрывал с моей старшей сестрой Лив. Когда мне было шестнадцать, он как раз закончил колледж и прожил с нами все лето, стажуясь у отца. От него исходила такая мощная сексуальная аура, что я подарила свою невинность неуклюжему и неприметному парню из нашего класса – лишь бы избавиться от сладкой боли, которую вызывало одно присутствие Уилла.

Я была практически уверена, что моя сестра по меньшей мере целовалась с ним – к тому же Уилл был для меня слишком взрослым – но за закрытыми дверями в самой

Кристина Лорен

глубине своего сердца я признавала, что Уилл был первым парнем, которого мне захотелось поцеловать. Первым парнем, заставившим меня запустить руку под простыни, когда я мечтала о нем в темноте своей спальни.

О нем и о его дьявольской плутовской улыбке и пряди волос, постоянно падавшей на правый глаз.

О его гладких, мускулистых предплечьях и загорелой коже.

О его длинных пальцах и даже маленьком шраме на подбородке.

Все парни моего возраста говорили одинаково, а у Уилла был низкий и спокойный голос. Терпеливый, всепонимающий взгляд. Его руки не дергались и ничего не теребили без толку – обычно они прятались глубоко в его карманах. Глядя на девушек, он облизывал губы и отпускал негромкие, уверенные замечания об их груди, ногах и языках.

Моргнув, я подняла глаза на Дженсена. Мне было уже не шестнадцать лет. Мне исполнилось двадцать четыре, а Уиллу – тридцать один. В последний раз я видела его на злосчастном бракосочетании Дженсена и обнаружила, что спокойная, чарующая улыбка Уилла стала лишь ярче и притягательней. Я заворожено наблюдала за тем, как он исчез в гардеробной с двумя подружками моей новоиспеченной невестки.

– Позвони ему, – настойчиво повторил Дженсен, вырывая меня из воспоминаний. – Уилл отлично умеет совмещать работу и личную жизнь. Он местный, и он *хороший парень*. Просто... выбирайся иногда из дома, ладно? Он о тебе позаботится.

От слов старшего брата по коже побежали мурашки. Я попыталась успокоиться, сама не понимая, какой именно заботы мне бы хотелось ждать от Уилла. Хотелось ли мне, чтобы он по-прежнему оставался лишь другом моего брата, помогающим сестренке Дженсена найти баланс между общением и работой? Или я желала взглянуть на объект своих самых грязных фантазий уже другим, взрослым взглядом?

– Ханна, – гнул свое отец, – ты слышала, что сказал твой брат?

Мимо прошел официант с целым подносом шампанского, и я махнула пустой бокал на новый, полный шипящих пузырьков.

– Я его слышала. И я позвоню Уиллу.

1

Один гудок. Второй.

Прекратив вышагивать по комнате, я отдернула штору и выглянула в окно, хмурясь на предрассветное небо. Было еще темно, но я рассудила, что чернота уступает место синеве, а на горизонте появляются розовые и лиловые полосы – значит, технически уже утро.

Это был третий день после нотации Дженсена и, соответственно, моя третья попытка позвонить Уиллу. И хотя я совершенно не представляла, что ему сказать, – и о чем думал Дженс, когда предложил сделать этот звонок, – однако чем больше я размышляла, тем ясней понимала, что брат был прав. Я почти все время торчала в лаборатории, а дома либо спала, либо ела. Перебравшись в пустую квартиру родителей на Манхэттене, вместо того чтобы поселиться рядом с однокурсниками где-нибудь в Бруклине или Квинсе, я тоже никак не расширила круг своих знакомств. Содержимое моего холодильника состояло из пары-тройки овощей, еды на вынос сомнительной свежести и замороженных обедов. Вся моя жизнь до сего момента вращалась вокруг окончания учебы и старта блестящей научной карьеры. Осознание того, как узка сфера моих интересов, действовало отврежвляюще.

Очевидно, моя семья тоже обратила на это внимание, а Дженсен по какой-то причине вбил себе в голову, что именно Уилл спасет меня от грядущей участи старой девы.

Я была уверена в этом куда меньше. Намного, намного меньше.

Кристина Лорен

Следовало признать, что наша общая история была весьма скучна. Вполне возможно, он вообще меня толком не помнил. Кто я – младшая сестренка, элемент пейзажа, фон, на котором случились многочисленные похождения в компании Дженсена и краткая интрижка с моей сестрой. И сейчас я собиралась звонить ему... для чего? Чтобы он куда-нибудь меня сводил? Поиграл со мной в настольные игры? Научил меня, как...

Я даже не могла закончить эту мысль.

Я подумывала о том, а не повесить ли трубку. Не забрать ли обратно в постель, сообщив братцу, что он может поцеловать меня в задницу и найти себе новый объект для усовершенствования? Но на четвертом гудке, когда я сжала телефонную трубку так сильно, что отпечаток мог остаться до завтра, Уилл ответил:

– Алло?

Голос у него был такой же, как в моих воспоминаниях, – глубокий и звучный, только еще ниже.

– Алло? – повторил он.

– Уилл?

Я услышала, как он резко втянул воздух и с улыбкой в голосе произнес мое прозвище:

– Зигги?

Я рассмеялась – конечно, именно так он меня и запомнил. Теперь меня так называли только в кругу семьи. Вообще-то никто понятия не имел, что это значит: было довольно смело доверить двухлетнему Эрику ответственное дело по подбору прозвища для его новорожденной сестрички, – но имя прижилось.

– Да. Это Зигги. Но как ты...

– Вчера я говорил с Дженсеном, – объяснил Уилл. – Он рассказал мне о своем визите и вербальной порке, которую тебе устроил. И упомянул, что ты можешь позвонить.

– Ну, вот и позвонила, – робко промямлила я.

Раздались кряхтенье и шелест простыней. Я, конечно, совершенно не пыталась представить, сколько обнаженной плоти сейчас на другом конце линии. Но когда до меня дошло, что голос Уилла звучит устало, потому что я его раз-

Прекрасный ИГРОК

будила, бабочки, порхавшие в животе, подступили к горлу. Ну что ж, возможно, технически утро еще *не наступило*...

Снова бросив взгляд в окно, я выпалила:

– Я ведь тебя не разбудила?

У меня не хватило мозгов даже взглянуть на часы, а сейчас я боялась это сделать.

– Все в порядке. Будильник все равно бы зазвонил через... – он зевнул, – через час.

Я подавила покайанный вздох.

– Извини. Я немного... нервничала.

– Нет, все в порядке. Невероятно, как я мог забыть, что ты сейчас живешь в городе. Мне говорили, ты заперлась в «P and S» и уже три года сидишь в ламинаре, капая в пробирки из пипетки.

Во время этого шутового реприманда его низкий голос стал более хриплым, и в животе у меня что-то сжалось.

– Похоже, ты на стороне Дженсена.

Его тон смягчился.

– Просто он беспокоится за тебя. Поскольку он твой старший брат, это его любимое занятие.

– Это я уже слышала.

Мне надо было как-то сдержать нервную энергию, так что я снова принялась мерить шагами комнату.

– Надо было мне позвонить раньше...

– Это мне надо было позвонить раньше.

Уилл пошевелился – кажется, сел. Я снова услышала, как он застонал, потягиваясь, и закрыла глаза. Звучало точь-в-точь как стоны во время секса. Это отвлекало.

Дыши носом, Ханна. Держи себя в руках.

– Хочешь чем-нибудь заняться сегодня? – выпалила я.

Вот вам и все спокойствие.

Он замешкался с ответом, и я уже готова была вlepить себе пощечину за то, что не подумала: у него ведь могут быть другие планы. Например, работа. А после работы, например, свидание с девушкой. Или с женой. Я наострила уши, пытаюсь уловить каждый шорох в потрескивающей тишине.

Прошла вечность, прежде чем он спросил:

– А какие у тебя будут предложения?

Вопрос со значением.

Кристина Лорен

– Ужин?

Несколько долгих секунд Уилл молчал.

– Сегодня я занят. Позднее совещание. Как насчет завтра?

– Лаборатория. Я уже записалась на восемнадцать часов работы с микроскопом. Эти клетки растут очень медленно, так что у меня будет полное основание сделать себе харакири, если я напортачу и придется начинать все снова.

– Восемнадцать часов? Длинный денек получается, Зиггс.

– Я знаю.

Помычав себе под нос, он спросил:

– А во сколько ты должна сегодня появиться в лаборатории?

– Позже, – ответила я и, содрогнувшись, взглянула на часы.

Было только *шесть утра*.

– Где-то в районе девяти или десяти.

– Хочешь пробежаться со мной в парке?

– Ты бегаешь? – удивилась я. – Специально?

– Да, – ответил он, уже не скрывая смеха. – Не сматываюсь от погони, если ты это имела в виду, а просто упражняюсь.

Я зажмурилась, чувствуя знакомый позыв довести дело до конца, словно мне предстояло какое-то состязание или чертово задание. Этот дурак Дженсен!

– Когда?

– Через тридцать минут.

Я снова выглянула в окно. Едва рассвело. На земле лежал снег. *Трансформация*, напомнила я себе. И, закрыв глаза, произнесла:

– Пришли мне смской инструкцию, как туда добратсья. Встретимся там.

Было холодно. Точнее, стоял такой дубак, что у меня вся задница заледенела.

Расхаживая взад-вперед, чтобы не замерзнуть, я перечитала смску Уилла. Там говорилось, что мы встречаемся у Инженерных ворот Центрального парка, на пересечении Пятой и Девятнадцатой. Утренний мороз обжигал лицо и просачивался сквозь ткань брюк. Надо было взять шапку. Надо было вспомнить, что я в Нью-Йорке, и сейчас февраль, и здесь только сумасшедшие ходят в парк в феврале. Пальцев я уже

Прекрасный ИГРОК

не чувствовала и вполне обоснованно опасалась, что от ледяного воздуха в сочетании с ветром у меня отвалятся уши.

Вокруг почти не было людей: только рьяные спортсмены и парочка юных влюбленных, прижавшихся друг к другу под высоким и тонким деревом. В руках у каждого был бумажный стакан, а в стакане – что-то горячее и вкусное на вид. Стайка серых птиц клевала землю, а солнце только-только поднималось из-за дальних небоскребов.

Всю свою жизнь я балансировала на тонкой грани между приличной девочкой и занудным ботаником, так что и прежде часто чувствовала себя не в своей тарелке: когда мне вручали приз за исследования в Массачусетском технологическом институте перед тысячами студентов и их родителей; почти всякий раз, когда отправлялась в тур по магазинам, и – самое запоминающееся – когда в одиннадцатом классе Итан Кингмен попросил ему отсосать, а я понятия не имела, как это можно было бы совместить с необходимостью дышать. Сейчас, глядя на светящее с каждой минутой небо, я бы с радостью променяла нынешнее утро на любое из этих воспоминаний – лишь бы оказаться подальше отсюда.

Не то чтобы меня пугала пробежка... ну ладно, в какой-то мере да. Бегать мне не хотелось. Я даже не знала толком, что такое спортивный бег. Но встречи с Уиллом я не боялась. Просто нервничала. Я помнила, каким он был – в его обращении всегда присутствовало что-то ленивое, гипнотическое. Нечто, просто источавшее сексуальную ауру. Раньше мы никогда не общались один на один, и я опасалась, что мне не хватит выдержки.

Брат дал мне задание: начать жить более полной жизнью. Конечно же, он знал, что верный способ заставить меня действовать – это дать почувствовать свою никчемность. И хотя я ничуть не сомневалась, что Дженсен не собирался отправлять меня на свидание с Уиллом и – давайте уж взглянем правде в глаза – укладывать к нему в постель, я должна была понять, как Уилл думает, взять несколько уроков у мастера и приобрести его ценные социальные навыки. Просто надо было представить себя секретным агентом, работающим под прикрытием: войти, выйти и остаться невредимой.

В отличие от моей сестры.